Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» - Поэзия

Номинация «Поэзия» 2018

Брагин Никита Юрьевич (персональный номер участника - 31)
Ерофеев Игорь Васильевич (26)
Малофеева Екатерина Сергеевна (51)
Колмогорова Наталья Ивановна (20)
Фроловская Мария Ивановна (79)
Гахов Александр Константинович (63)
Веденеев Геннадий Николаевич (124)
Великжанин Павел Александрович (106)
Игошин Виктор Викторович (129)
Колесник Любовь Валерьевна (82)
Ольков Николай Максимович (22)
Творина Антонина Геннадиевна (92)

1 место и звание лауреата – **Брагин Никита Юрьевич**. 1956 года рождения, москвич, выпускник МГУ. Доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России.

Перекоп

На пустынной равнине у мертвых озер
тонкой рябью, дрожащей от зноя,
горизонт расплывается, зыбкий узор
совмещает с небесным земное,
и палит все сильней, и вдали все черней,
и горячей золой потянуло,
и мерещатся гривы летящих коней,
и кипящие тучи в нарывах огней,
и раскаты подземного гула.

То из прошлого – беглый огонь батарей,
батальоны идут на Литовский,
и ладони раскинул апостол Андрей,
застывая в прицеле винтовки,
и каховская кровь прямо в соль Сиваша
иссякающими родниками
потекла и горит как вино из ковша,
и сквозь пух облаков улетает душа,
и земля превращается в камень.

Это память и родина, ветер и путь,
это зарево, пепел и слово,
это кровь обратилась в гремучую ртуть,
и по сердцу грохочут подковы…
Красным – кровь и огонь, белым – свет и слеза,
между ними лазурь небосвода,
и смолой золотою текут образа,
но когда же покинут война и гроза
неделимую душу народа!

Еще есть время

В чем сила, брат? Обожжена броня,
разбит бетон, щетиной арматура, –
у смерти не бывает перекура,
она не утомится, хороня.
В чем сила? В мураве под сапогом,
в сырой земле под гусеницей ржавой,
в России, что превыше, чем держава,
и в памяти о самом дорогом.

В чем совесть, брат? Опять берешь взаймы,

и думаешь, как избежать уплаты,
и как достроить, наконец, палаты,
с эмблемой в виде нищенской сумы…
В чем совесть? В неиспользованной лжи,
в тяжелом неразряженном патроне,
и в тех, кто голову в земном поклоне
склонил, за други душу положив.

В чем правда, брат? А в том, что все умрут, –
и те, кто разжигал, и те, кто тушит,
кто слышал все, кто ничего не слушал,
кто бросил все, кто продолжал свой труд.
В чем правда? Здесь по-русски говорят,
но детский плач повсюду одинаков.
Сейчас твоих детей пошлют в атаку.
Останови. Еще есть время, брат.

Твоя любовь

Твоя любовь как девочка во храме,
коснувшаяся мрамора колонны,
внимающая высям, где бездонны
органные хоралы над хорами.

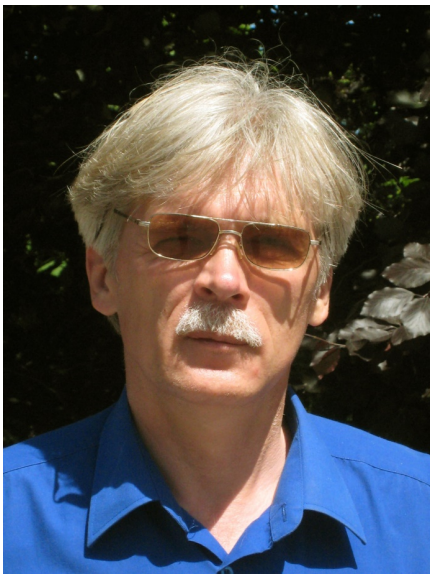
Твоя любовь как лепесток на шраме
израненной земли, чьи мегатонны
лежат пушинкой на руке Мадонны,
нетленной над костями и кострами.

Твоя любовь – калиновые грозди,
алеющие как бутон стигмата
в ладони мира, пригвождённой болью.

Твой белый ангел зажигает звёзды,
и, пролетая над земной юдолью,
слезу роняет на лицо солдата.

2 место и звание лауреата – **Ерофеев Игорь Васильевич**. Родился в 1958 г. в Черняховске. Краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Член Союза журналистов России. Член Союза

писателей России. Проживает в г. Черняховске.



Лейтенант Круглов

Натекло в окоп воды, на ногах - пуд глины.
От пяти взводов осталось меньше половины.
Магазин и две гранаты дали для атаки.
- Немец что-то замолчал... - Жрут поди, собаки...

Впереди часовенка без стены, нагая.
Метров триста до неё - мама дорогая!..
- Ничего, братва, пробьёмся! - Ясно, лейтенант...
(Месяц, как дерёмся вместе, а храбрец, талант!)

Дождь опять пошёл некстати - сильный-то какой!
- Ну, ребята, поднялись! Не робеть! За мной!

Дождь полил как из ведра - ничего не видно...
А часовню мы отбили - то-то не обидно.
«Слава господи, живой, руки лишь дрожат...»
Шесть бойцов и лейтенант по холму лежат...

- Окопаться с интервалом метров через пять... -
И добавил старшина: - А ребят - собрать...
Схоронили в глинозём прямо за оградой.
Под одной для всех звездой положили рядом.

Наслюнявив карандаш, крупно написали:
«Семь гвардейцев здесь геройски за деревню пали:

рядовые Нечитайло, Черышев, Седов,
Губаридзе, Ковш, Галямов, лейтенант Круглов.

Сорок третий год. Ноябрь, третьего числа».
Только надпись от дождя сразу потекла.
Нам теперь держаться надо: наши здесь лежат.
Фриц повыдохся совсем и к реке прижат.

…Натекло в окоп воды, на ногах - пуд глины.
Без стены стоит часовня в центре Украины.
Мы ушли - они остались в мире вечных снов:
Шестеро бойцов пехоты, лейтенант Круглов.

Письмо

Здравствуй, мамка! Здравствуй, Катя!
Всё нормально – я в санбате.
Здесь уже с восьмого дня, как ударило меня:
прям на именины взвод попал на мины...

Спеленали счас меня, как стреножного коня -
ни вздохнуть, ни... знаешь, что...
Только руку вот почто лекари отняли?
Был я без сознания – вот и подгадали,
откромсали до плеча… Как такой теперича?
Ни косу не взять, ни вилы – как в хозяйстве-то вполсилы?

Правда, в остальном - живой. Скоро, говорят, домой...
Знамо дело, не солдат – не поднять и автомат.
А намедни передали, что представили к медали…
А Петро, второй мой номер, от потери крови помер;
жизнь - она ж такая штука: ей молитва - не наука.
Всё хранил с собой иконку, перекрестится в сторонку:
«Боженька меня хранит!..» И вот на тебе - убит...

А моей не говорите - что-нибудь с письма наврите:
ну её, Тамарку, к ляду… Может, справят мне протез –
за баранку сяду.
...Я то что? Другие вон – на культяпках в хату.
Поломала жизнь война русскому солдату…

Вы там шибко не горюйте – я в здоровой форме,
и кормёжка неплохая: хлеб и сахар в норме.
Самодейтельности вот наезжают часто...
Наши в Пруссии уже – скоро немцу баста!..
Марк Бернес здесь выступал – аж слезу пробило:
вроде бы всего лишь песня – а какая сила!..

Батя жив: письмо пришло где-то из-под Минска.
Переводят их рембат в Первый Украинский…

Интересно, есть ли наши, кто вернулся с фронта?
Это правда, что погиб Ванька Ферапонтов?
Как терпели под фашистом вы такое время?
Фриц же пол-Полесья, гад, сжёг к ядрене фене...

Счас пишу, а сам не знаю, помер кто, живой?
Возвернусь, а вместо дома – только печь с трубой?..

Наш район уже давно вышел с оккупации…
Как же я хочу прижаться к нашенской акации
да сходить на Веркин дол – полежать в траве...
Здесь с тоски дрянные мысли только в голове...

Что-то я совсем раскис... Почерк-то не мой, -
Хорошо, сестричка Валя пишет всем домой…

Крепко всех люблю, целую. Ждите под апрель:
привезу галет, тушёнку и отрез - фланель.
Век, что ль, убиваться мне, что рука была?
Главное - страна б стояла, ты бы, мать, жила.
И Победа бы скорей, Гитлеру б - хана…
Да чтоб внуки не забыли, что была когда-то в мире
страшная война.

* * *

Заменила тишина стрельбище вселенское,
и с рейхстага передан красный флаг в музей.
Потянулись по домам псковские, смоленские,
сохранятся карточки фронтовых друзей.

А солдаты в комнатах ходят – пригибаются:
им всё окопы кажутся на передовой…
Не успел отец пригнуться в том бою под Прагою –
миномётчик третьей роты, в званье рядовой.

С пацанами бегал я к поездам на станцию, –
может, батя возвратится и откроет дверь:
«Вот он я, сынок, живой! Ни одной царапины!
Ну а то, что был убит… этому не верь!»

А война закончилась вечною победою,
и от пороха очистил небеса салют.
И мужьям вернувшимся стелют бабы новое,
за безвестных молятся, за погибших пьют.

2 место и звание лауреата – **Малофеева Екатерина Сергеевна**. Родилась и проживает в Чите. Активная участница и неоднократная победительница многих литературных конкурсов. Работает переводчиком.

Детство

Свежий утренний ветер тянулся царапать
Ноту «до» из натянутых бабушкой струн,
На разломе подсолнуха — облака мякоть
Влажной ватой белеет. Приходит июнь.
Долгий-долгий, чудесный и самый счастливый,
Отворяет в каникулы дверь широко.
По ногам обожгло остролистой крапивой,
Чехардой — вихрь радостей, страхов и шкод:

И малина с куста,
И крыжовник соседки
(Неколючий совсем — слаще, терпче, свежей, тетя Люда, прости!)
И компот из ранеток,
Речка,
Солнце,
И грозы,
И крики стрижей,
И высокое небо глотает воланчик,

Разноцветные камешки тянут карман,
«Можно слазить на крышу?» и клянчить, и клянчить
Пыль чердачных чудес в вековых закромах
Разбирать.
«Отпросись!»,
Мне серебряно «Кама» под окном прозвенит /принц мой — тёмноволос/
И, притворно нахмурившись, крестится мама
Вслед мелькающим в такт искрам-спицам колёс.

И читаю тайком Кинга (страшного очень,
Только книгу открой, вот оно – ведьмовство),
Даже после двенадцати радиоточка
Тихо-хрипло мурлычет.

Мой деда — живой.

Неразлучны дворовые гардемарины,
И подруги — навек,
Бог на нас не сердит,
Путь открыт перед нами — сияющий, длинный.
И я верю — жизнь сложится.

Всё — впереди.

Семейный праздник

Разливается март в капель, отражается в лужах город,
Солнца спелая мирабель по каёмке бежит фарфора,
И застолья шашлычный дым примиряет старушек вдовых
С тем, что весело молодым за бокалом и разговором.

Накрахмаленной буквой «П» развернулись столы в тенёчке.
Помидорчики, канапе,
Братьев, бабок, сватов и дочек
В ярком свете раёшном в пляс хороводный пускает праздник,
Сёстры старшие пьют, смеясь, незамужних злорадно дразнят.

После сытая кружит муть, перекурим – и вносят тортик.
Память рода не обмануть, и, застывший в миг анте-мортем,
Кто-то плачет, не пряча глаз, кто хохочет, обняв соседа.

Хоть с небес неживым на нас поглядеть на таких обедах.

Дом стоит

Дом стоит на перекрёстке.
Окна строго смотрят в мир.
Стены – снежная известка, ставни – глянцевый сапфир.
Горд строитель, маме скажет: «Ладно вышел, на века,
Славно сбит, с душой покрашен, виден свет издалека».
И несет через порожек молодую он жену,
Суеверно осторожен – поднимает не одну.

Дом стоит.
А день к закату – двадцать первое, июнь.
Лёг мальчишкой – встал солдатом. «Ты придешь?» С улыбкой: «Сплюнь!»

Дом стоит,
И окна плачут фронтовым святым дождём,
Обману судьбу-удачу – мы-его-совсем-не-ждём.
Не обманешь и не скроешь – и в руке листок дрожит.
«Извещаем…», «в ходе боя…» - губы в кровь: « не вееееееерю… жиииииив!»

Дом стоит,
Играют дети, воробьи голодных лет.
Так же крепок, так же светел, только старших больше нет.

Заковали все асфальтом, по нему летят года.
Время – вскачь, в лихое сальто. Приоделись города,
Ощетинились застройкой, шеи скверов – в небеса.
Новой шкурой сейсмостойкой обросли по полюсам,
Чешуей из тонкой стали, лживой пылью из газет,
Прячут плечи магистралей в тусклый дым, фонарный свет.

Дом стоит –
Слепой свидетель смены мечт, эпох, властей.
О другом смеются дети, да и нет почти детей.

Дом стоит.
Сирены воют – завтра новая война.
Гонят юных под конвоем заработать ордена.
С неба пепел - словно блёстки, в прах сложились этажи.
Дом стоит на перекрёстке, а вокруг нет ни души.

3 место и звание лауреата – **Колмогорова Наталья Ивановна**. Домохозяйка из Самарской области. Член Союза Профессиональных литераторов (Самара). Лауреат нескольких

международных и всероссийских конкурсов.

Землица

Там, где пушки голосят
И свистит дурной снаряд,
Умолкают птицы…
Был я свят или не свят,
Брат тебе или не брат –
Принимай, землица!

Ты не мачеха, а мать;
Воевать, так воевать,
Кровью рук марая;
Пусть «катюши» верещат,
Отлетай, моя душа,
Птицей в кущи рая!

Вот землица, кровь моя,
Капли пурпуром горят -
Пей за ради Бога!
Как бывало, по весне,
Шёл я с плугом по стерне –
Ртов голодных много!

Не жалели животов…
Караваи на Покров
Доставали с печки,
Помолясь на образа,
Глядя Господу в глаза,
Зажигали свечки…

Пей кровинушку мою!
У груди тебя храню
В красненькой тряпице,
Был не грешен и не свят…
Упокой своих солдат,
Схорони, землица.

Купила баба танк

Случилось однажды так:
Жила-была одна баба,
И купила та баба танк;
Провожала - не голосила,
Одиннадцать олухов родила,
Двенадцатого носила,
Война - она ж не спросила:
косила, косила, косила...

Средняя Речка,
через речку - брод;
в крайнем доме Алёна живёт,
своя скотина да свой огород.

Спросили Алёну:
Откуда денжищи взяла?
- Корову да тёлку,
Да пару овец продала,
Да мать с отцом накопили;
Провожали - не голосили...
Гордилась:
Сталин прислал телеграмму лично!
Писал ей: мол, так и так,
Воюет ваш танк отлично!
Бьёт фрица то в левый, то в правый фланг;
А Алена: подумаешь, танк!
К награде приставили - не голосила...
Одиннадцать - ни дать, ни взять,
А двенадцать - уже сила!
Даже родня мужнина сказала: нужна дюжина!
А фрицы - они от лукавого.
Жила-была баба одна, по фамилии Шаповалова…

Сейчас время не то, или люди не те -
Удавятся за евро да франк,
А вы бы смогли так:
Двенадцать по лавкам, а Родине - танк?

3 место и звание лауреата – **Фроловская Мария Ивановна**. Педагог из Москвы. Окончила музыкальный колледж им. Гнесиных и Литературный Институт им. Горького. Поэт и переводчик.

Франциск

Над серыми колодцами окраин,
Над птичьим ором, и кошачьим раем,
И раскалённой сталью гаражей,
Над городом, унылым и нелепым,
Святой Франциск прилаживает к небу
Благую весть для галок и стрижей.

И луч горит в его ладонях старых,
А мы как дети, ждущие удара,
Мы втягиваем голову, снуём,
Мы злые камни, мы больные звери,
Мы речи человеческой не верим,
Мы слов твоих наивных не поймём.

Но ты попробуй выдумать по-новой,
И огорошить невозможным словом,
Здесь тишина-как лезвие меча.
Зови всех нас по-рыбьи и по-птичьи,
Нас мучит немота и безъязычье,
Как птицу-невозможность закричать.

Всем нам, таким приличным и умытым,
Долби,как дятел, босоногий ритор,
Что мы глухи, убоги и темны,
Что мы сидим в своей норе отхожей,
А март идёт, смеющийся прохожий,
Как знаменосец будущей весны.

Иди, тугую землю согревая,
Торя тропу размокшую до Рая,
И пяткою босой толкая твердь,
И твари проповедуя, и тверди,
И детям, что они сильнее смерти,
И небу, что оно обманет смерть.

Часть речи

Что это - блажь? Болезненность? Вина?
Слепая вера на слово и слову? -
Давать всему живому имена,
И бормотать названья неживого.

Всё объязычить, всё определить,
Всему придумать синтаксис и место,
В сплетеньи веток, в трещинах земли
Стеченье знаков видеть неизвестных.

Всё числить собеседником. Горит
Гортань, язык считая за удачу,
Со всем немым пытаться говорить,
Всем безымянным имена назначить,

Как будто так удастся открестить
Весь мир, себя, любимых и случайных
От вечного молчания пустоты,

Безжалостного звёздного молчанья.

По воде

Я услышал Тебя и оставил берег,
Где погоню за мной трубят,
Я иду по воде, потому, что верю,
Потому, что ищу Тебя.
И мне кажется, тёплые волны стали
Серебром январского льда,
Я иду по воде, потому, что знаю,
Что она меня не предаст.

И пучина пружиниста и упруга,
Точно чует узду твою,
И мне кажется, волны меня друг другу,
Как ребёнка, передают,
И ладонями мне выстилают этот
На ветру трепещущий путь,
И пока Ты стоишь там, на грани света,
Мне немыслимо утонуть.

И молюсь я неправильно и негодно,
Как молится Тебе нельзя:
"Будь жестоким и грозным, каким угодно,
Только не отводи глаза
От испуганных нас, и от этой голой
Бесконечной пустыни, где
Как слепые идут на знакомый голос,
Мы идём к Тебе по воде."

Звание дипломанта – **Гахов Александр Константинович**. Родился в 1952 году в Курской области. Пенсионер МО. Член Союза писателей России. Проживает в г. Черняховск.

Колодезная вода

Моему деду Афанасию посвящается

Возле ветхой церквушки неслышно ложатся года,
Жизнь прихода давно, обмелев, потекла стороною.
Лишь старушки и дети к колодцу спешат иногда, –
Его ставил священник, мой дед, перед самой войною.

Разрывая стальные объятия Курской дуги,
Защищая Россию, сгорали в огне батальоны.
Дед погиб в том огне, – время шире разводит круги,
Тишину опрокинув в колодец, рождается звоном.

Пробивается горечь, искрясь светлой стынью воды,
Поминальной свечой отражается в сумрачном храме.
Лихолетье и замять – вся жизнь от беды до беды,
От забвенья хранит не гранит, а народная память.

Постою, помолчу у колодца пред бездною лет...
А журавль всё скрипит, поклоняясь бревенчатой церкви.
Я, к воде припадая, тебе благодарен, мой дед,
И во внуках моих память крови твоей не померкнет.
…Вьётся узкая тропка к колодцу сквозь патину лет.

Солдатская доля

«Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас – обстрел.

Ну, бог войны! Давай – без передышки!»
В.С.Высоцкий

Свет ракеты обжёг, резанув по сердцам,
Души в страхе попрятались в пятки.
Век кровавый с рожденья не верит слезам,
Мы со смертью затеяли прятки.

Из окопов – на свет, вспоминая Христа.
В лицах – мука. Мгновения вечны…
Мы на мушках, вопящие, как на крестах,
Но не Боги – сыны человечьи.

Мат с охрипшим «Ура!» – отходная врагу,
С криком легче добраться до цели.
Чашу тяжкой судьбы нам испить на бегу,
Окрестившись в свинцовой купели.

Там, где грань между смертью и жизнью тонка,
Страх и храбрость считаются нормой.
В рукопашной холодная ярость штыка
Спорит с пулей – дурёхою вздорной.

В храме светлом пред Спасом молитва важна,
В покаянье – свершенье обетов.
Между светом и тьмою нам вера нужна,
Что не зря приближаем победу.

Помним предков завет: двум смертям не бывать!
Вечность истину пульсом диктует.
Окропим, как водой, кровью каждую пядь,
Уходя в нашу землю святую.

Не умалить цены Победы нашей

«Пепел Клааса стучит в моё сердце!»
Шарль Де Костер

Из дымных далей, где гремит война,
Взирают с пожелтевших фотографий,
Солдатскую судьбу испив до дна,
Носители коротких биографий.

У Вечного огня, в одном строю,
Они стоят сегодня вместе с нами:

Кто в Бресте утром первым пал в бою,
И тот, кто над Рейхстагом поднял знамя.

Свет жизни возложили на алтарь, –
Издревле мёртвые не имут сраму.
«За Отчину!» – так говорили встарь,
Святой Победе воздвигая храмы.

Вновь плачут безутешные дожди,
И слёзы шелестят в листве сирени.
Пришли-ушли бездарные вожди,
Пытаясь навязать: всё спишет время!

Ни «пятая колонна», ни враги
Не умалят цены Победы нашей!
И ветер, возвращаясь на круги,
В сердца живых стучится пеплом павших.

Звание дипломанта – **Веденеев Геннадий Николаевич**. Родился в 1953 году. Детство и юность прошли в г. Белозёрске. Прошёл Афган. В настоящее время проживает в г. Череповец. Пенсионер МО.

Безымянная пехота

То ль души, то ль ангелы павших солдат
КружАт в безутешной печали
Над лесом угрюмым у станции Мга,
Над жутким болотом Любани.

Покрыта земля чернотой воронья,
Здесь петь соловьи не посмеют,
Здесь ржавого цвета вода у ручья
И ягоды рано краснеют.

Здесь запах тлетворный мешает дышать
И мучит позывами рвота,
Пропитана кровью здесь каждая пядь,
Здесь в ад находились ворота.

Здесь быть погребённым считалось за честь
В затянутых грязью воронках,
Погибших не всех доводилось учесть,-
Кончались в штабах похоронки.

Здесь лес покалечен разрывами мин,
Земля - как могильные плиты,
Здесь тысячи павших, куда ни шагни,
Солдат под тобою убитый.

А сколько таких по Европе лежит
Вповалку на разных широтах!
Простите, солдаты. Россия скорбит
По вам, безымянной пехоте.

За восемь часов до войны

Цветущий июнь сорок первого года.
Играет оркестр духовой.
В безмолвном восторге затихла природа
- У школьников бал выпускной.

Танцуют мальчишки, танцуют девчонки
- Вчерашние дети страны.
Под звуки мелодии смех слышен звонкий,
За восемь часов до войны.

Все девушки в платьях из тонкого ситца,
Расцветка - от летних полей,

Как хочется всем им сегодня влюбиться
В красивых и статных парней.

А их одноклассники в белых рубашках,
Значок ГТО на груди,
Цветы полевые в нагрудном кармашке
- Ромашка и пара гвоздик.

То скромный подарок девчонки – подружки
- Прощанье со школой родной.
Блеснула слеза на глазах у девчушки
- Как жаль расставаться порой.

Мечтают ребята, что будут когда-то
Как Чкалов летать в небесах,
Сжимая штурвал ястребка – самолёта,
В полёте творить чудеса.

Не знают мальчишки, что враг уже рядом,
Что Родине завтра нужны…
И крУжатся в вальсе прекрасные пары,
За восемь часов до войны.

Ещё нет на полях обелисков

Запорошены снегом окопы,
В них замерзшая, вросшая в лёд
Полевая царица – пехота.
В обороне стрелковая рота,
Третьи сутки стоит напролёт.

Прижимает огонь пулемётный
Новобранцев, безусых солдат,
И командует раненый ротный
Поредеющею цепью пехотной: -
"Всем держаться! Ни шагу назад!"

Занесён уже снежной позёмкой
Рядовой, а, быть может, сержант.
Он сражён был немецким осколком,
Не познавший и жизнь свою толком,
Молодой, нераскрытый талант.

Ещё нет на полях обелисков,
Где недавно гремели бои,
И ещё не составлены списки,
Поклонившись которым мы низко,
Помянуть бы погибших могли.

Звание дипломанта – **Великжанин Павел Александрович**. Родился в 1985 году в кузбасском городе Ленинске-Кузнецком. Юрист из г. Волжский Волгоградской области. Поэт.

Был черствый хлеб вкуснее сдоб

Был черствый хлеб вкуснее сдоб,
Был ратный труд, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
И приходили похоронки
В артели вдовьего труда,
В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно воронье,
Над опустевшими домами.
Кололо жесткое жнивье
Босое сердце старой маме…

Сквозь тромб

Войну лишь в телевизоре
Ты видел. Что же, брат,
Стихов своих дивизию
Выводишь на парад?

Ведь там не по парадному –
Колонной общих мест –
С разрывами снарядными
Срифмован насмерть Брест.

Какая, к черту, строфика,
Рефрены для баллад?
С отчаяньем дистрофика
Там бился Ленинград.

Врастая в землю стылую,
За сердцем спрятав даль,
Дивизия Панфилова
Рвала зубами сталь.

Мосту, на нитку сшитому,
Молился эшелон,
С живыми и убитыми
Ползущий через Дон…

Ведь правда кровью пишется,
Пробившейся сквозь тромб.
Поймем ли мы, как дышится
В обвалах катакомб

Не знающим заранее
Судьбы своей страны,
Чьи летние экзамены
Войной заменены,

Чьи строки в школьных прописях
Черкает красный цвет?
А время не торопится
Подсказывать ответ.

Но мы, врастая нервами
В свою эпоху, брат,
Пошли бы так же первыми
В свой райвоенкомат.

Гранитный генерал

В.И. Чуйкову, командующему 62-ой армией защитников Сталинграда, памятник которому установлен на центральной набережной этого города на Волге, посвящается...

Генерал с лицом темнее гранита –
Въелся дым, впечатал в память зарубы –
Скорбно замер с головой непокрытой:
Не разжать ему недвижные губы,

Не назвать своих бойцов поименно,
Прямо с марша уходивших в былину.
Сколько в землю полегло батальонов
На пути от Сталинграда к Берлину?

И ни мрамора, ни бронзы не хватит,
Чтобы каждому воздать по заслугам…
Но взгляни: в могилах спящие рати,
Прорастают зеленеющим лугом!

Жизнь всегда, в итоге, смерти сильнее –
Тихий сквер облюбовали мамаши:
Вечерами здесь, пока не стемнеет,
Дети бегают, ручонками машут.

В центре шумной озорной переклички
Генерал следит, как дедушка строгий,
Чтоб стихали мимолетные стычки,
Чтоб смотрели непоседы под ноги.

Улыбается гранитною складкой,
Мягче взгляд, что был в бою тверже стали:
«Из таких же, как вот эти ребятки,
И мои богатыри вырастали...»

Ведь солдаты не за то умирают,
Что им памятников мы понастроим...
Рядом с памятником дети играют –
Это лучшая награда героям.

Звание дипломанта – **Игошин Виктор Викторович**. Родился и живёт в Ростове-на-Дону, 63 года.

Поэт, литератор. Участник нескольких поэтических сборников.

Сталинград – 42

Будет помниться долго и в сердцах, и в веках:
Это – наши и Волга, это – степи и враг.
Снег, окопы и холод, под обстрелом не встать,
А за спинами – город, что должны отстоять.

Что ни дом – то и крепость, что ни двор – то редут,
Где с погибелью встретясь, снисхожденья не ждут.
Лютой смерти в угоду – небывалый урон:
За кварталы – по взводу, за район – батальон.

Тех, кому выпадает вечный сон и покой,
Всех земля принимает на бессрочный постой.
Ей что пахарь, что воин, что поврозь, что гуртом.
Кто чего был достоин – разберутся потом.

А они заслужили – не лежать в тесноте;
Вот бы всем - по могиле, по гранитной плите.
Чтобы помнить солдата через тысячу лет,
Чтобы золотом – дата, как зовут, и портрет.

От времён стародавних, от военных легенд –
Дом без крыши и ставней, да курган-монумент.
Ни бомбёжки постылой, ни тревоги, ни слёз…
Жаль, на всех не хватило ни медалей, ни Звёзд.

Звание дипломанта – **Колесник Любовь Валерьевна**. Родилась в Москве. Окончила биологический факультет Тверского университета. Редактор. Автор шести книг поэзии и прозы. Живёт в Ржеве и Москве.

* * *

Бабушка ворчала: всё про любовь!
Про войну и Сталина напиши,
как в боях за родину лили кровь,
как сурепку ели и камыши,
как до бурой юшки из-под ногтей
разбирали церковь по кирпичам,
как рожали в поле своих детей.
и они не плакали по ночам.
Как сидел на лавке дедуля твой
и, отставив наискосок протез,
вспоминал налет, и моторный вой,
и глаза санитарки, и красный крест.
Напиши, как работали на износ,
как стояла беременной за станком,
тридцать восемь градусов был мороз.
Четверых родила я мирком-ладком,
а сынок-то помер; кричит свекровь,
по щекам его хлещет: дыши, дыши!
В общем ты пиши про свою любовь,
про войну и Сталина не пиши.

* * *

Иду фотографировать насосы.
Ворота цеха выдыхают пар.
Начальник мят с утра и стоеросов -
ворчит, что КТУ - не божий дар,
и мы в конторе жизни не видали,
не нюхали тосол и креозот,
а то, что мне хороший фотик дали -
так дуракам, как водится, везет.
Киваю молча, щелкаю затвором
на брак железа и людскую тьму.
Тьма ширится. Нас подытожат скоро
по метрике, неведомой ему.
Я знаю точно: будет ближе к раю
не тот, кто сделал план по корпусам,
не он, не я, не труд, идущий к маю,
но белый пар, летящий к небесам.

* * *

Где-то, где нет метро –
заячьих чёток след
перемахнул сугроб.
В сетке ветвей свет.

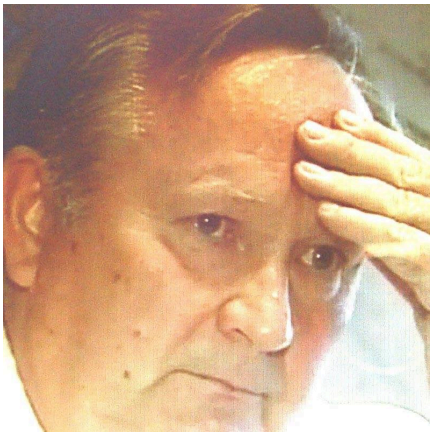
Маленький лисовин
тетерева тропит:
россыпь пера в крови.
Колос над полем спит,

снег над ковром осок –
выбеленный покров.
Крепок болот засов,
птиц улетевших кров.

Рябью березняка,
остовами осин
склон устоял покат,
как и Господь - един.

В месиво трудодня,
в бой из-за барахла
не забирай меня,
я там уже была.

Звание дипломанта – **Ольков Николай Максимович**. Родился в 1946 г. в с. Афонькине Тюменской области. Окончил Литературный институт. Автор нескольких десятков книг прозы и публицистики. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в с. Бердюжьем Тюменской области.



*** * ***

Дом далеко, а рядом только звезды
Чужого неба. Месяц в вышине
И месяц на штыре высокой башни.
С нее кричит мулла по вечерам,
Нет, не сегодня. Это было раньше.
Теперь оттуда снайпер день и ночь
Удачливо ведет свою охоту.
Сегодня вечером он подстрелил меня,
Когда бежал я площадью Минутка,
Иль как она у них… Совсем не больно,
Я почти лечу. Смотрю на небо,
Полное звездами. И думаю о службе у Христа
Спасителя на новостройке Храма,
Когда Святейший, важно поклонясь,
Просил у Бога мира для России,
Сказал о том, что болен Президент,
И надо пожелать ему здоровья.
Еще просил молиться перед Богом
О снисхождении к людским грехам…
Я содрогнулся: это не про нас,
Ведь здесь война, а не грехопаденье,
Здесь грязь и кровь. И сердце Президента
Едва ли чаще бьется, чем в Чечне
Смерть прибавляет счет своим успехам.
А Он ни слова не сказал о нас…

Тут Патриарх меня благословил,
В глаза мне глядя, я не ошибаюсь! –
Соединил широким жестом лоб,
Живот и плечи. А ж и в о т есть Жизнь!
Чтоб выжил я в кавказской перебранке
Людей высоких, тех, кто с Патриархом
Стояли рядом возле алтаря,
И тех, кто рядом, здесь, зовет Аллаха
В союзники, чтобы убить меня…
Я буду жить! Для мамы и для папы,
Для сенокосов и любимой речки,
И для друзей, и для ночной рыбалки,
И для охоты… только без ружья!
А главное – рожденный для Наташки,
Наташкин буду, отслужив, вернувшись…
Но прилетел снаряд, и, помертвев,
Экран погас, не стало Патриарха,
С высот молебна, из почти что рая,
Я опустился в настоящий день.
Солдаты быстро разошлись по нарам,
Чтоб отдохнуть. Но спать нам не пришлось.
Чеченцы начали обстрел активней,
И командир, лишенный всякой связи,
Послал меня с запиской в батальон.
Я побежал… Потом удар – и вот
Лежу за клумбой, бывшею цветами.
Дом далеко. А рядом только звезды –
Я к ним лечу. На мне благословенье.
Я слышу пенье. Лучше, чем с экрана.
И голос Патриарха мне вдогонку
О мире и здоровье Президента.

* * *

Я помню щит на самом видном месте,
Две надписи, скрещенные на нем,
На иностранном: «До Берлина 200»,
По-русски мелом: «Ничего, дойдем!».

И пусть написано не так красиво,
Покрепче слово вместо «ничего» –
Кто тот герой? Кому сказать «спасибо»,
И где сегодня отыскать его?

Теперь он крепким словом не гордится,
Но очень прямо говорит о том,
Что, если только ЭТО повторится,
То где-нибудь, на подступах к столице

Напишет снова: «Ничего, дойдем»!

* * *

О, Русь моя!
К иртышским берегам
С горы спустились трепетные лани.
На бесконечной бюрюзе елани
Резвятся кони. Уток слышен гам.

О, дивный край березовых лесов,
Озер, холмов и голубых закатов...

Я жизнь мою готов отдать в задаток,
А вот отдать Россию – не готов.

Звание дипломанта – **Творина Антонина Геннадиевна**. Родилась в с. Елизово, на Камчатке. Проживает на Украине в г. Славянск Донецкой обл. Председатель любителей поэзии (Славянск).

Всему свое время

Испачкан глиной китель рваный,
на тонкой шее - медный крест.
Присев на камень, суп овсяный
немецкий пленный быстро ест.

Когда-то Вермахта солдатом
призвали, и служить пришлось.
Контузило, не помнил даты,
твердил одно: "Von West nach Ost".
Потом был бой, горящий ужас
сжигал живое на корню...
Теперь похлебкою на ужин
доволен, словно он в раю.
Но раны ноют, и простуда
сжимает бронхи в третий раз,
остался жив - не это ль чудо?
Господь - молитвой мамы - спас.
Всему свое приходит время...
И фронт на запад шел, вперед.
Бубнит старушка: "Сучье племя,
пришел страдать и твой черед".
Но, видя - сипло дышит грудью,
сует кулек созревших слив:
"Они же, немцы, тоже люди,
хоть к нам и нелюдями шли".
Откуда взято состраданье,
ведь похоронки на столе?
Давно ли стихли крик, рыданья:
"А может живы, взяты в плен?"
Платок старушка прижимала
к глазам, взглянув на купола:
"И также, может, чья-то мама
краюшку хлеба подала".
Война, кровавый след оставив,
ушла в победный славный май.
Фашизм большой ценой раздавлен...
И выплакан слезами мам.

Громовник

Наплывала тень. Чаровник Карпат,
Трубку раскурив, гром метнул в закат.
Он точил с утра острие косы -
Чтобы разрезать тучи до грозы.

До дождя успел развести костер,
В ступке размолол корни мандрагор*.
Громовых камней* магия сильна -
Искрами обдал - вспыхнула луна.

Заговор шептал, выводя печаль,
Мольфу* мастерил от недобрых чар.
Он двенадцать дней без еды, воды

Жил в пещере снов. Боль чужой беды,

Что сжимала грудь, заслоняла свет,
Чистил силой слов, гнал молитвой смерть.
Помогал тому, кто устал и слаб,
В засуху дожди взмахом век наслал.

От шальных ветров укрывал смерек*,
В паводок держал буйство горных рек.
Силу слов мольфар ведал как никто -
Могут радость дать, могут вызвать стон.

"Пролетит свинец мимо - жизнь цела,
А худым словам будет жизнь - цена.
Ведь слова людей - не безликий текст,
Спутают судьбу, словно тяжкий крест", -

Говорил старик. Голос слаб и тих -
Хворь на убыль шла, сразу отпустив....
Дрымбы* звук парил, крепнул заговор,
А земля Карпат слушала его.

**громовник – гуцулы называют так мольфаров, умеющих разогнать грозовые тучи, отвести град*

**мандрагора - корням растений этого рода приписывают магическую силу*

**«громовые камни» находят возле деревьев, пораженных молнией*

**мольфа - заговоренный предмет*

**дрымба - старинный гуцульский инструмент, игра на нем является также методом лечения мольфаров*

Предрассветное

Баюкал ветер кроны спящих сосен,
сдувая пух с воздушных облаков.
А сверху стал макать свой нос курносый
гуляка-месяц в речку - молоко.
На полотне ночного небосвода
искала путь заблудшая звезда
и, не найдя обманчивой свободы,
упала в речку, и зажглась вода.
На ветках сны висели, словно шишки,
и падали, исчезнув с тишиной.
В округе просыпался, копошился
горластый мир, зовущий и шальной.

И соловьёв восторженные трели
Будили в норах сонных грызунов.
На крыльях сов уже лучи горели,
рассвет безумно рвался вспыхнуть вновь.

Добавить комментарий

Комментарии